

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 13–32. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 81-02

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-2

ЕНИСЕЙСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ СИБИРСКО-ТЮРКСКОГО МАНИХЕЙСТВА

*Игорь Леонидович Кызласов*¹

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Россия
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Scopus ID: 57191727444
E-mail: kyzlasovil@mail.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Кызласов И.Л., 2022

Аннотация: Рисунки, а затем лично-фамильные тамги и молитвенные надписи средневековья не нарушают петроглифы былых времен, соответственно, сохранялись горные культы. Курганы VI–VIII вв. продолжают кладбища II в. до н.э. – V в. н.э., что свидетельствует о том, что осознавались кровные связи с предками. В VIII в. монументальный манихейский храм возвели в долине, где по XX в. оставались нетронутыми 14 скульптур и около 15 менгиров. Храм действовал среди языческих идолов, ближайшие были от него в 100–140 м. Достигнув Енисея, манихейство включило в свою религиозную практику руническую письменность, а вместе с ней и комплекс мировоззрения, сохранявшего почитание памятников предков. Скопления наскальных молитвенных надписей указывают на места бывшего расположения манихейских монастырей, состоявших из легких, не оставивших следов построек. На алтайской скале рунами написано наименование одного такого монастыря. Енисейская эпитафия из Суджи (Монголия, Е 47) – подлинный внутренний источник Древнехакасского государства – повествует о сооружении монастыря для 100 послушников, возглавлявшихся манихейским вероучителем-маром. Сибирские и центральноазиатские миссионеры в IX–X вв. принесли манихейский обычай молитвенного письма на скалах на земли современного Кыргызстана и южного Казахстана. Енисейские надписи в кельях обнаружили приход манихейских паломников в пещерные монастыри Восточного Туркестана. Взаимное проникновение новых и местных верований сформировало особое религиозное направление – северное, сибирско-тюркское манихейство, отличительными признаками которого являются три названных типа монастырско-храмовых комплексов и енисейские рунические надписи. Рядом с привнесенной культовой архитектурой продолжает бытовать сохранение традиционных горных культов.

Ключевые слова: Древнехакасское государство, енисейское руническое письмо, храмы Южной Сибири, молитвенные надписи, северное (сибирско-тюркское) манихейство.

Благодарность: Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

Для цитирования: *Кызласов И.Л.* Енисейская руническая письменность и своеобразие сибирско-тюркского манихейства // *Российская тюркология*. 2022. № 3–4 (36–37). С. 13–32. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-2.

This is an open access article under the CC BY license

Yenisei Runic script and distinctness of Siberian Turkic Manichaeism

Igor Leonidovich Kyzlasov¹

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in History, Leading Researcher
Scopus ID: 57191727444
E-mail: kyzlasovil@mail.ru

© IL RAS, 2022

© Kyzlasov I.L., 2022

Abstract: Pictures, and then personal and family tamghas, as well as medieval prayer inscriptions do not distort the petroglyphs of previous epochs, thus, some ancient religious practices (i.e., the mountain worship) were still preserved at the same time. Mounds of the 6th–8th centuries AD inherit the territory of cemeteries of the 2nd–5th centuries BC, probably, as result of recognition of ties with the ancestors. In the 8th century AD a monumental Manichaean temple was built in the valley, where 14 sculptures and 15 menhirs were preserved until the 20th century. The temple was surrounded by pagan idols during its operation time, and the nearest idols were just in 100–140 metres from the temple. Manichaeism had reached the banks of Yenisei, but then included the local runic script, and then incorporated the whole worldview, related to the ancestor veneration and their monuments. The agglomerations of rock prayer inscriptions can indicate the places of the former Manichaean monasteries, consisting of semi-permanent buildings, now lost without a trace. There is a runic inscription on one of the Altai rocks, containing the name of one of these monasteries. The Yenisei epitaph from Suji/Sudji (Süüjiin-Davan) (Mongolia, E 47) is an original local written source of the ancient Khakass state, which tells us about the construction of a monastery for 100 novices, led by a Manichaean religious teacher (mār). Siberian and Central Asian missionaries of the 9th–10th centuries brought the Manichaean rite of prayer rock inscriptions to the territories of modern Kyrgyzstan and Southern Kazakhstan. Yenisei inscriptions in the cells signify the arrival of Manichaean pilgrims to the cave monasteries of East Turkestan. The integration of foreign and local beliefs and rites formed a specific religious movement: the Northern, Siberian Turkic Manichaeism, which can be characterized by the three aforesaid monastery and temple complexes, and by the Yenisei runic inscriptions. Alongside with the introduced sacred architecture one can observe the existence of local mountain worship.

Key words: ancient Khakass state, Yenisei runic script/inscriptions, temples of Southern Siberia, prayer inscriptions, Northern (Siberian Turkic) Manichaeism.

Acknowledgment: The work was carried out under the State Task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences No. NIOKTR 122011200266-3.

For citation: Kyzlasov, I.L. 2022, Yenisei runic script and distinctness of Siberian Turkic Manichaeism, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 13–32. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-2.

Восприятие памятников предшествующих культур в культовой жизни южно-сибирского средневековья отражено по крайней мере в трех категориях местных древностей: писаницах, курганных могильниках и храмовых центрах.

Вместе с тем следует учитывать, что археологические открытия последних десятилетий разделяют местное средневековье на два разных мировоззренческих периода. Насколько можно судить, до середины VIII в. Саяно-Алтайское нагорье существовало вне зоны мировых религий, а с 60-х гг. VIII в. в Древнехакасском государстве произошло принятие манихейства, на долгие столетия ставшего официальным вероисповеданием [Кызласов Л.П. 1998; 1999а; 2000; 2001; Кызласов И.Л. 2003а: 3–4 и библиография].

Писаницы. В науке все еще живут сомнения, когда на Среднем Енисее появились наскальные рисунки – то ли в позднем неолите, то ли в раннем бронзовом веке. Так или иначе, но с тех давних пор петроглифы непрерывно создавались во все времена, включая местные этнографические культуры. На протяжении всех этих эпох создание наскальных изображений отражало существование горных культов.

В отличие от иных периодов писаницы эпохи средневековья в Хакасско-Минусинской котловине не перекрывают петроглифы любой предшествующей поры. В IX–X вв. лично-фамильные тамги местной аристократии [Кызласов Л.Р. 1960; 1965; 1979] появляются на утесах, покрытых разновременными изображениями. Подобную картину встречаем, например, на Писанной горе [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 66] или на обращенных к р. Тубе скалах горы Тепсей, которую рунические надписи прямо называют божеством – $\Gamma \Upsilon \Upsilon \Pi : 9 \wedge \times \Pi$ *T(e)bs(e)j t(e)ŋri* [Кызласов И.Л. 1992; 1994: 187]. Лично-фамильные гербовые отметки выбиты среди, но лишь в деликатном соседстве с рисунками любых культур: эпохи ранней и развитой бронзы и раннего железного века (см., например: [Шер 1980: Рис. 72, 73; Blednova et al. 1995: Pl. 26, 2.3, 2.8–2.11, Pl. 27, 5.1–5.5, Pl. 46, 21.1–21.5, Pl. 62, 71.1]) (рис. 1, А), иногда образуют самостоятельные ряды от 2–3 до 10 экземпляров [Адрианов 1904: 56, 63, 66 сл.; 1906]. В таких случаях нанесение личных тамговых знаков можно объяснить совершенным поклонением горному божеству на издавна намоленном месте (речь об этом пойдет далее).

Иногда тамги ставятся избирательно, явно соотносясь с конкретным древним изображением или композицией [Шер 1980: Рис. 120, 1–3; Sher et al. 1994: Fig. 21, 1, Oglakhty I, 10.1–10.3, 10.5, 10.6]. Возможно, люди связывали свои чаяния с уже имевшимся на скале образом, и тамга указывала на конкретного человека, желавшего воплощения изображенного. Нанесение знака здесь также имело, по сути, молитвенный характер [Кызласов И.Л. 2014а: 54–56]. Неслучайно тамги двух поколений одной семьи выбиты, например, над двумя снаряженными лошадьми, ведомыми антропоморфной фигурой – композицией раннего железного века (тагарская культура) (рис. 1, Б, 1, 3). Судя по прослеженным этапам развития

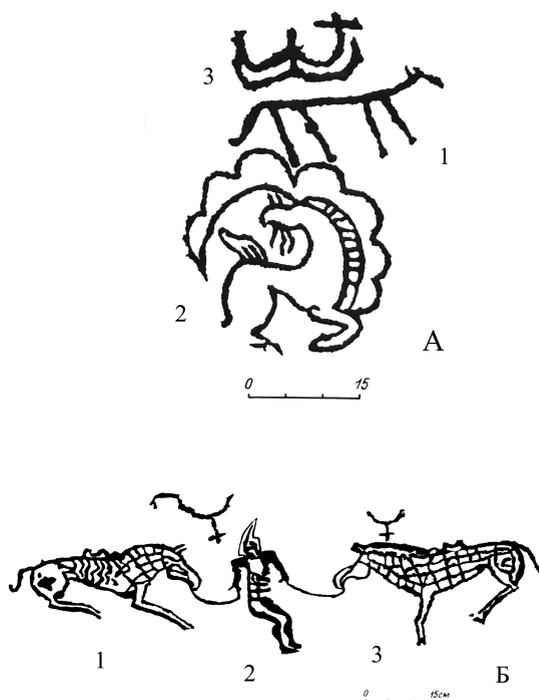

Рис. 1. Хакасско-Минусинская котловина.

А – гора Тепсей, пункт IV. Размещение тамги IX–X вв. (3) у петроглифов эпохи бронзы (1) и раннего железного века;

Б – гора Оглахты, пункт II. Композиция раннего железного века (1–3) и средневековые тамги (1, 3). По [Шер 1980: Рис. 73 и 120, 1–3)].

тамг этого семейства, гербовые знаки следует относить к концу IX в. (ср.: [Кызласов Л.Р. 1965: Рис. 1, 3–17, 7, 1]).

Вполне очевидно, что в ту эпоху продолжают почитаться не только древние, но и более ранние средневековые писаницы. В том убеждает размещение тамг IX–X вв. по сторонам плоскости, занятой изображениями знаменитой Сулекской писаницы [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 77] (рис. 2). Вместе с иконографическими признаками это обстоятельство позволяет отнести начальное сложение петроглифических композиций скалы к предшествующему времени, т.е. к VIII в. [Кызласов И.Л. 1998а: 39–43].

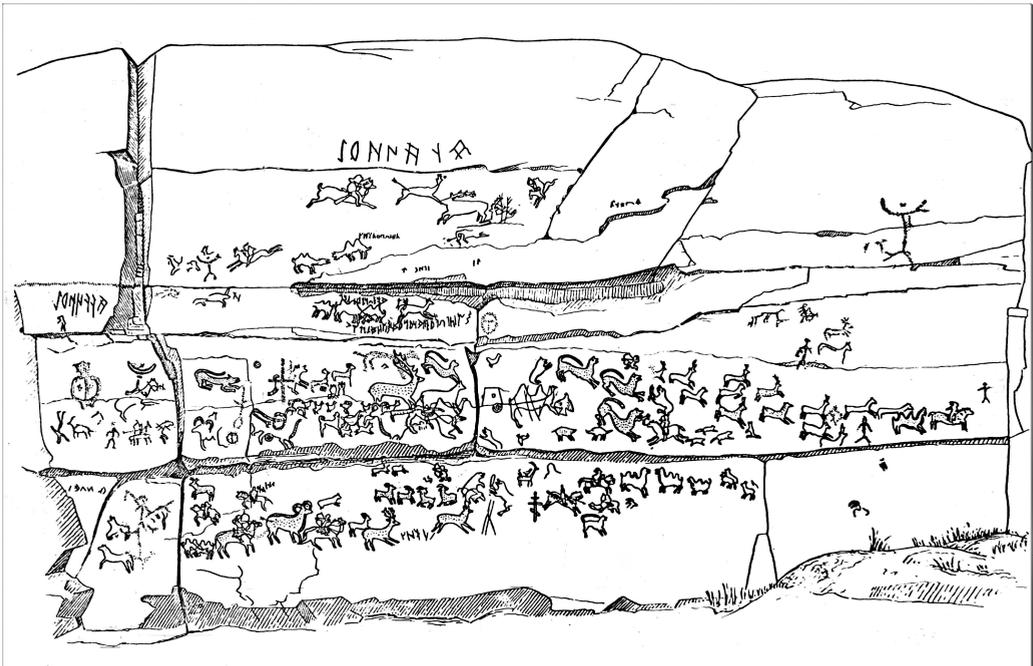

Рис. 2. Хакасия. Сулекская писаница.

Расположение рисунков, тамг и рунических надписей.

По [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 77].

С появлением на скалах аристократических тамг на писаницы начинают наносить и краткие енисейские рунические надписи. В Хакасско-Минусинской котловине они также никогда не вырезались поверх петроглифов. Строки идут выше или по краю поля с изображениями [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 77] (рис. 2), а также извиваются между фигур предшествующих времен [Кызласов И.Л. 1994: Рис. 21, 22, 25; 1998б; 2008: Рис. 2, 4, 5] (рис. 3). На соседних землях Саяно-Алтая – в Тувинской котловине и на Горном Алтае – на скальная эпиграфика размещается иначе, допуская перекрывание петроглифов древности, а иногда – и рисунков раннего средневековья [Кызласов И.Л. 2001а: Рис. 2; 2003б: Рис. 3, 5, 16; 2008: Рис. 6]. Вместе с тем на Чуе известны примеры осознанного нанесения надписей среди раннесредневековых изображений при их сохранении [Кызласов И.Л. 2001а: Рис. 7; 2003б: Рис. 17, 21, 23, 28; 2008: Рис. 1] (рис. 4).

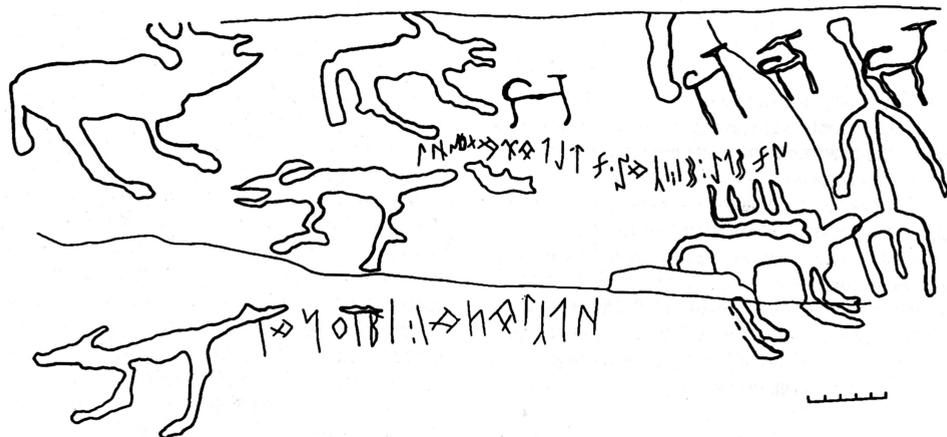

Рис. 3. Хакасия. Гора Лисичья. Расположение енисейских надписей среди рисунков раннего железного и бронзового веков. Прорисовка автора.

Тяготея к скоплениям древних и раннесредневековых петроглифов, енисейские надписи выказывают почитание тех же скал. С одной стороны, это демонстрирует смену формы местных горных культов – окончание почитания, выраженного рисунками, сменившегося личными тамговыми и письменными молитвенными отметками. С другой стороны, характер наблюдаемого явления порождает мысль об изначальном среднеенисейском центре формирования такого вида обозначений, ставших ярким выражением северного, сибирско-тюркского манихейства. Его миссионеры, примерно в IX–X вв. двинувшись из Южной Сибири и Центральной Азии на запад, принесли на просторы Казахстана и Кыргызстана это книжное вероучение, как и его обрядовую традицию молитвенных отметок на скалах.

Именно под его влиянием там, как можно думать, также появляются рунические надписи на скалах [Кызласов И.Л. 2008: 452–458, рис. 1–10; 2019а]. До распространения этого обычая в землях восточного манихейства, ни в Восточном, ни в Западном Тур-

Рис. 4. Горный Алтай. Раннесредневековые изображения оленей и надпись Ялбак-Таш XXIII. Прорисовка автора.

кестане, практики молитвенных наскальных написаний не существовало [Кызласов И.Л. 2008: 452–457; 2013а: 84; 2013б; 2014а: 52–57; Kyzlasov 2016].

Курганы. Курганные могильники Хакасско-Минусинской котловины, в основном относящиеся к *доманихейской поро* VI – первой половины IX вв., получили название *чаатас* (так именуется и сама культура того времени). Классический могильник-чаатас примыкает к расположенным на том же месте погребальным памятникам двух предшествующих археологических культур. Началом является стоящий на восточном краю участка большой курган гунно-сарматского времени (тесинского переходного этапа, традиционная дата: II–I вв. до н.э.), уходящим на запад продолжением служит кладбище таштыкской культуры, состоящее из нескольких углубленных в землю коллективных склепов и множества малых семейных грунтовых могил (традиционная дата: середина I в. до н.э. – V в. н.э.). Затем рядами, обычно направленными с юго-востока на северо-запад, следуют собственно курганы чаатас. Такое последовательное размещение на общем поле разновременных захоронений, вероятно, указывает на осознание кровнородственных связей с предками, присущее носителям этих трех археологических культур, действительно прямо преемственно связанных между собою [Кызласов Л.Р. 1980: 110].

Сложенные из плитняка многогранные мавзолеи культуры чаатас, подражающие бревенчатым наземным жилищам, обставлялись по углам вертикальными стелами. Обычно у кургана стоит 8, 10 или 12 узких и высоких камней, хорошо отличимых от менгиров предшествующих местных эпох [Кызласов Л.Р. 1980: 108–112; 1981: 46–49, рис. 28, А–В, Д, Е, I]. Символика этих стел неясна, однако, на некоторых могильниках, как на II Чаптыковском чаатасе, среди темных песчаниковых столбов у каждого кургана одна из стел бывает светлой, из серого гранита [Кызласов И.Л. 2019б: Рис. 7, 11].

Вполне обычно переиспользование на чаатасах изваяний древнейшей, едва ли не энеолитической поры со вполне различимыми характерными для нее фантастическими ликами. Вторичное употребление скульптур седой старины было настолько распространено, что на каждом чаатасе их всегда бывает несколько. На Уйбатском чаатасе, например, их отмечено 12, на Ташебинском – 9, на Абаканском – 4 и т.д. Не приходится сомневаться в том, что перевозка этих изваяний из степи и водружение их у свежеосвоенного мавзолея в раннем средневековье производились намеренно.

Всего на могильниках-чатасах в каталогах древней скульптуры отмечен 51 случай использования таких монолитов [Грязнов, Шнейдер 1929: 78, 79, рис. 6, табл. I–VI, VIII; Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 4, 5, 11, 18 и др.; Кызласов Л.Р. 1986: 132, 133, 137, 138 и др., рис. 66–68, 72–74, 76 и др.]. Среди обычных менгиров встречается установка у одного кургана двух и даже трех древних изваяний [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 172–173, 252–253, 256–258]. Лишь однажды изваяние у кургана чаатас было закопано в перевернутом положении [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 201].

С *принятием манихейства* (ныне относимым к 60-м гг. VIII в.) у курганов чаатас появляются эпитафийные стелы енисейского рунического письма. Традиция их установки передается последующей древнехакасской тюхтятской культуре середины IX – конца X вв. и захватывает ранний этап аскизской археологической

В этой небольшой межгорной долине в разное время археологами отмечено 13 свободно стоявших изваяний и около 15 менгиров [Грязнов, Шнейдер 1929: 64, 90 (карта); Кызласов Л.Р. 1986: Рис. 30; Леонтьев, Капелько, Есин 2006: Рис. 1]. Насколько мне известно, они привлекли внимание науки в 1887 г., когда была составлена карта-схема окрестностей улуса Тазмина (хак. *Тазмин аалы*) с обозначением ряда памятников, планы-кроки отдельных объектов (включая 6 изваяний), выполнены рисунки изваяний и стел [Appelgren-Kivalo 1931: 13, Abb. 143–146]. Туда, как и в итоговый каталог монументальной скульптуры, менгиры, естественно, не вошли, но в сводке начала XXI в. были учтены 10 скульптур, отдельно стоящих, и 4, вторично использованных на тагарских курганах [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 12, 28, 35, 46, 49, 65–67, 82, 87, 98, 149, 155, 164, рис. 26].

Раскопки 1971 г. показали, что обе формы свободно стоящих в долине монолитов – как изваяния, так и менгиры – сохранились в местах первоначальной установки, имели единое культовое назначение и принадлежали к святилищам глубокой древности [Кызласов Л.Р. 1986: 98–151, 168–241]. Тогда полагали, что они относятся к позднему неолиту и энеолиту. Святилища с тех пор никем не копались, и ныне их по косвенным данным относят к тем же временным пределам, но к эпохе ранней бронзы.

Для нашей темы важно, что в 1971 г. в той же долине, прямо на улице современного поселка железнодорожной станции Ербинская были обнаружены руины манихейского храма VIII–X вв., которые были раскопаны в течение двух полевых сезонов в 1972–1973 гг. [Кызласов Л.Р. 1998: 26; 1999б; 2001: 84]¹. Монументальное культовое здание, знаменующее установление на Среднем Енисее пророческой религии, несущей людям божественную, новую для них истину, философски богатое мировоззрение с развитой книжной и обрядовой культурой, как и выстроенную церковную организацию, было размещено среди непотревоженного скопления каменных воплощений божеств и языческих представлений 5000-летней давности (тип таких изваяний представлен на рис. 5, 1). Это обстоятельство сразу же обратило на себя внимание исследователя, произведшего археологическое изучение обоих до того невиданных культурных явлений [Кызласов Л.Р. 1999б: 181].

Однако, как выяснилось, манихейский храм был не только построен в долине, наполненной каменными святынями древности, он был возведен прямо среди этих языческих изваяний. Не более 110 м к западу от него стояла скульптура № 14, а не далее 140 м к востоку от его входа возвышалось изваяние № 13 [Кызласов И.Л. 2021а: 194–200, рис. 17–19]. В енисейских эпитафиях времен Соргинского храма встречается мера длины, равная полету стрелы, выпущенной из лука, – $\rightarrow \text{ЗЗ} \rightarrow \text{ЗЗ} \rightarrow \text{С} \rightarrow$ *oyd(a)md(a)m* (Е 51, 2, Е 70, 3, Е 109, 3, Е 110, 1) [Кызласов И.Л. 2003в: 284, 285]. Учитывая дальность выстрела из сложного лука, в то время равную 200–250 м, в среднем 225 м [Медведев 1966: 30, 31], от стен храма до изваяний было не более полперестрела. Взяв за меру длину прямоугольной платформы (41 м), на рост человека поднимавшей стены богослужебного здания, и пяти-

¹ Ныне становится понятным, что Grosser Kurgan ‘Большой курган’, отмеченный на плане котловины Сорга, сделанном финской экспедицией в 1887 г. [Appelgen-Kivalo 1931: Abb. 143], является бугром манихейского храма [Кызласов И.Л. 2021а: 194, рис. 13].

метровую протяженность ведущего к его входу пандуса (4,75 м) [Кызласов Л.Р. 1999б: 181, 185, 187, рис. 5; Кызласов И.Л. 2021а: 200], уясним, что до изваяния № 14 было немногим более двух, а № 13 – трех таких единиц. Языческие кумиры остались нетронутыми, практически находясь на стройплощадке VIII в., и стояли рядом с храмом на протяжении всего функционирования этого культового здания.

Тесное окружение культовыми объектами глубокой древности не позволяет думать, что Соргинский храм, в отличие от манихейского храмово-монастырского комплекса Уйбатского города [Кызласов И.Л. 2017: 121–130; 2019в; 2021б], располагался на одновременном ему поселении. Неслучайно до проведения здесь железной дороги и появления станционного поселка хакасские жилища аала Тазмина стояли на противоположном берегу р. Пүүр суҕ (на картах Биря). Такое традиционное расселение зафиксировано указанным планом 1887 г.

Так или иначе, но вполне очевидно и наиболее значимо для нашей темы, что раннесредневековый храм был намеренно сооружен в котловине Сорга, отличавшейся редкостным скоплением скульптур и менгиров – идолов седой старины. Возможно, именно благодаря этому обстоятельству и было некогда избрано место для сооружения манихейского храма.

Проследив по трем основным категориям культовых древностей раннего средневековья отношение к памятникам предыдущих культур Хакасско-Минусинской котловины, приходим к следующему заключению.

О чем свидетельствует намеренное использование давних изваяний на курганах доманихейской поры, сказать трудно. Нанесение эпитафий только на древние скульптуры и менгиры объясняется общими для восточнотюркских народов представлениями о первотворении мира и его изначальном каменном естестве, с которым сливается душа умершего: «из камня вышли и в камень уйдем» [Кызласов И.Л. 2014б; 2022а]. Однако само появление камнеписных эпитафийных текстов, идущих от лица покойного, воплощенного в стеле, заменяет устные жреческие прочтения подобных плачей лишь с приходом письменной культуры манихейства [Кызласов И.Л. 2013а: 84–87]. Ранние эпитафии стояли с юго-восточной стороны курганов (стела Ташебинского чаатаса, Е 40) [Heikel 1912: 60, Abb. 2, № 1]², подобным же образом или к востоку ставились затем и эпитафии в IX–XI вв. [Кызласов Л.Р. 1960: 98–102, рис. 5]. Возможно, одна из еще бесписьменных юго-восточных стел мавзолеев чаатас также символизировала умершего.

Уважительное отношение к древним писаницам свидетельствует о продолжавшемся существовании горных культов, первоначально порождавших создание раннесредневековых наскальных рисунков, а с приходом манихейской религии приведших к их замене письменными и личными тамговыми отметками о совершенных молениях. Пример храма, размещенного среди древних изваяний и менгиров в котловине Сорга, указывает на уважительное отношение к ним даже при создании архитектурных богослужебных комплексов и проведении в них

² У кургана 1 Ташебинского чаатаса было водружено и древнее изваяние. Оно стояло в северо-западной поле кургана, противоположной эпитафийной стеле [Heikel 1912: 60, Abb. 2, № 11]. См.: [Грязнов, Шнейдер 1929: 76, табл. IV, 31; Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 256].

торжественных религиозных обрядов с оглашением священных писаний, существовавших у манихеев.

Как известно, религия Света имела универсальный характер, распространение своего учения вела на языке обращаемого населения, стремилась в каждой стране приспособиться к господствовавшей там вере. Синкретизм являлся основой манихейства и проявлялся в отношении зороастризма, христианства, буддизма и иных исповеданий.

Достигнув Енисея, манихейство включило в свою религиозную практику уже существовавшую к тому времени местную руническую письменность [Кызласов И.Л. 1999а; 2001а], а вместе с нею, как теперь видим, и весь основной комплекс традиционного мировосприятия, тесно связанного с почитанием памятников седой старины – будь то писаницы на скалах или стоявшие в долинах изваяния и менгиры. Енисейские руны соединили книжную природу городских храмов с культовой эпиграфикой горных культов. Взаимопроникновение новой философской доктрины и традиционных местных верований сформировало новое религиозное направление – северное, сибирско-тюркское манихейство, широко распространившееся как в Центральной, так и в Средней Азии и Казахстане.

Манихейская книжность несла не только мировоззренческую доктрину, но и историю собственного вероучения, начиная с биографии и деяний пророка Мани. Руническая енисейская письменность также несла (не могла не нести) свою концепцию постижения мира, выраженную в присущих ей еще доманихейских сакральных текстах. Это была философия понимания и объяснения окружающего мира, включавшая непротиворечивое восприятие как природных ландшафтных, так и всех древних рукотворных памятников, ставших деталью местного обитаемого пространства. Иными словами, в древнехакасском обществе до прихода манихейства уже существовала собственная сакральная история. Основные черты этой сакральной истории были восприняты пришлой философией и привели к включению местных древностей в сохраняемое ею наследие. Здесь были показаны археологические признаки этого.

Енисейское письмо – отличие северного манихейства. Для любого древнего и средневекового общества письменность – дар божий, доступный лишь посвященным, т.е. сфера религиозной жизни. Всякая письменность родилась внутри религии и существовала благодаря осознанной культовой деятельности специально обученного жречества. Какая религия издревле владела руническим письмом (а значит, имела Писание), пока неизвестно. Но такая древняя религия в Южной Сибири была.

Распространение грамотности среди мирян – аристократов и простолюдинов, – наблюдаемое в эпоху рунического письма [Кызласов И.Л. 1999: 100–107], проводилось не ради светской образованности и праздного использования, а в целях объединения духовенства и паствы единой религиозностью, общностью верований и обрядов.

Существуют многие сугубо эпиграфические признаки связи енисейского письма с сибирско-тюркской разновидностью манихейства. С необходимой полнотой они были показаны ранее в серии разрозненных публикаций. Здесь следует отметить главные особенности религиозности, проявленной памятниками енисейской рунической письменности.

Таково само размещение столь многочисленных в Южной Сибири и Центральной Азии³ неэпитафийных камнеписных надписей. Малая высота их расположения над грунтом явно указывает, что на горных обнажениях Катуня, как и на плитах издревле стоявших курганов Енисея, в раннем средневековье писали коленопреклоненные люди. Ныне об этом наглядно свидетельствуют позы современных копировальщиков рунических граффити на полевых фотоснимках [Кляшторный 2003: 64; Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: илл. 17; Кызласов И.Л. 2022б: Рис. 1–4] (рис. 6, 7). Не исключая такие камнеписные надписи из живой ткани письменной культуры создававшего их общества, не отторгая их от тех форм духовности, которые определяли и причину, и смысл нанесения лаконичного текста, нельзя не понять – эти надписи всякий раз оставлялись на месте моления и в знак такого личного обращения к богу.

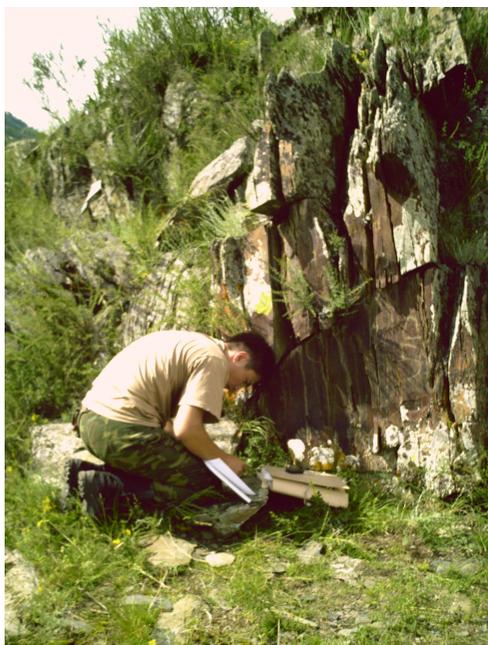

Рис. 6. Горный Алтай. Копирование наскальной надписи в долине Каракола.
Фото автора.

Тем самым рунология показывает, что манихейство, проникшись учением о возвышенном божьем Слове и Тексте, в южносибирских условиях восприняла отвечающие этому местные горные культы и привнесла в них письменные отметки верующих. Эпиграфические памятники не только наносились у скальных подножий, что особенно отличает российский и монгольский Алтай, но и намеренно вырезались в нишах, расщелинах или близ них – молившиеся стремились приблизить свои письмена к нутру горы (рис. 8).

³ Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

Рис. 7. Хакасия. Кандеевский лог.

Изучение енисейской надписи на кургане позднего бронзового века. Фото автора.

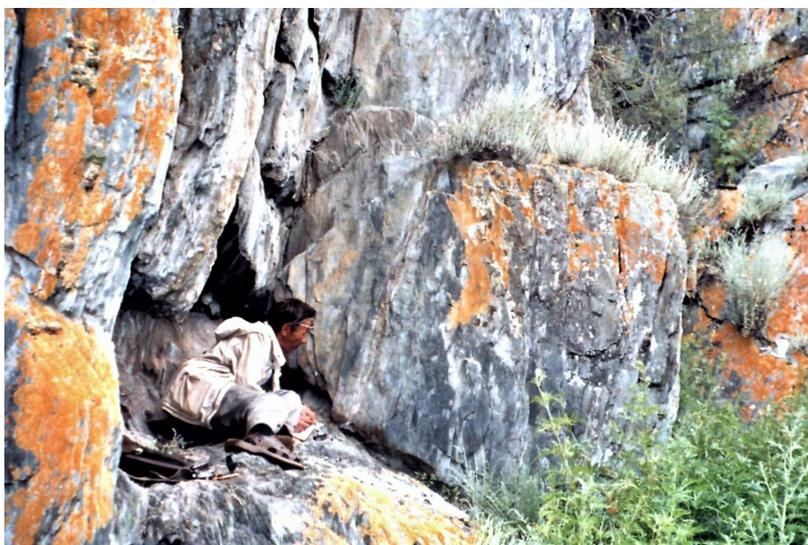

Рис. 8. Горный Алтай. Устье ручья Карбан.

Копирование В.А. Кочевым надписи у скальной ниши. Фото автора.

Многочисленные примеры показывают исключительно молитвенное или религиозно назидательное содержание таких лаконичных начертаний. В надписях постоянно присутствует мотив греховности писавшего, его самоуничтожения перед богом [Кызласов И.Л. 2001а; 2003б]. Тюркоязычные манихеи, молившиеся

ющим писавшего как грешного мужа (𐌲𐌹𐌺 en er) – лишь одного из многих сынов человеческих (𐌲𐌺𐌸𐌰𐌹𐌺𐌰𐌹𐌺 kiši oꝥti).

Именно таковы по внутреннему содержанию и своеобразные намеренно обезличенные надписи, состоящие из одного слова 𐌲. Ныне они известны в 15 несомненных случаях и распространены на всей огромной территории северного, сибирско-тюркского манихейства [Кызласов И.Л. 2019а; 2021в]. В соответствии с традициями эти письменные отметки совершенных молитв всюду оставлены мирянами и монахами – мужчинами-эрами, подчеркивавшими свою человеческую обыденность и, вследствие этого, бренность и греховность. Как авторы иных анонимных надписей, они также были уверены, что бог знает того, кто к нему обращается.

Примечательно нанесение таких предельно лаконичных надписей не только в местах молитв, но и на металлические предметы мужского обихода: пиршественный сосуд, наконечник ремня и зеркало [Кызласов И.Л. 2019а: 261–263, 279, 280]. Точно следуя за значением лексики, указывающей на безымянных эров (𐌲), надо бы говорить: «мужской части грешного человечества». На кубках вырезались и еще более простые, до сих пор не привлекавшие внимания знаки манихейской религии – равноконечные кресты.

Места скоплений енисейских молитвенных надписей, связанных с манихейством, обнаруживают местонахождение монастырей, не оставивших иных внешних признаков. Такова природа возникновения рунописьменных скал на Горном Алтае: Ялбак-Таш (Жалбак-Таш) на р. Чуя, Бичикту-Бом на Кара-Коле, в урочище Кара-Суу близ деревни Мөндүр-Соккон на Чарыше. В одном из таких мест наскальные руны доносят даже первое известное науке наименование бывшего там манихейского монастыря (надпись Бичикту-Бом I): 𐌲𐌹𐌺𐌰𐌹𐌺𐌰𐌹𐌺 s(e)ḡ(i)r : q(a)j(a) (e)bi ‘Обитель Выступающей Скалы’ [Кызласов И.Л. 2004]. О высоком покровительстве при закладке подобного монастыря, предназначенного для сотни подвижников и возглавляемого вероучителем-маром, идет речь в широко известной енисейской эпитафии из Суджи [Ramstedt 1913: 7] (E 47, строка 7, Монголия): 𐌲𐌺 [𐌲]𐌸 : 𐌸𐌰𐌹𐌺𐌰𐌹𐌺 : 𐌲𐌹𐌺𐌰𐌹𐌺 9 : 𐌲𐌹𐌺𐌰𐌹𐌺 : 𐌲𐌹𐌺𐌰𐌹𐌺 : m(a)r(i)ma : jüz (e)r : turuḡ : b(e)[r]t(i)m ‘Моему вероучителю я даровал прибежище на сто человек’ [Кызласов И.Л. 1999а: 85, 106; 2001а: 244]. Именно благодаря енисейским надписям такие обители могут быть обнаружены не только при раскопках монументальных храмово-монастырских комплексов, изученных в Хакасии [Кызласов Л.Р. 1998: 15–27], но и в местах, не имеющих на поверхности никаких археологических признаков. На их религиозную принадлежность также прямо указывают сами енисейские надписи. Таков единственный подлинный внутренний источник Древнехакасского государства, прямо указывающий на бытование в нем манихейской религии: дважды использованное в камнеписном суджинском надгробном тексте (стк. 7 и 9) сирийское слово 𐌲𐌹𐌺 m(a)r⁴ – манихейское и несторианское название учителя,

⁴ Собственно, сирийское произношение и написание этого слова – ܡܪܝܢ mār(i), содержало долгое ā, ставшее огубленным, и конечное притяжательное 1 л. ед.ч. -i (букв. ‘учитель мой’), которое уже давно не читалось. В западносирийском ареале произошел переход ā в открытое [o] (западное написание – ܡܪܝܢ), в восточных же диалектах сохранилось закрытое a, т. е. [a], близкое к древнетюркскому (восточное написание – 𐌲𐌹𐌺). Можно, таким

наставника в вере – в нашем случае однозначно, ведь несторианство не использовало руны.

Из таких монастырей и расходились в IX–X вв. и, вероятно, позднее несущие енисейскую грамотность миссионеры. Не только по близлежащим и дальним урочищам Южной Сибири и Центральной Азии [Кызласов И.Л. 2001б], но и по далеким землям современного Кыргызстана и южного и западного Казахстана. Сибирские руны и их обрядовое применение оказали сильное воздействие на местную письменную культуру. Палеографические, содержательные и орфографические особенности камнеписных строк региона позволяют определить даже те манихейские церковно-административные епархии, в которых писавшими было некогда получено руническое образование. Так, формульные и палеографические особенности енисейских надписей Средней Азии дают основание связывать его с долинами Среднего и Верхнего Енисея. Таласские письма, с точки зрения палеографии, можно формально числить локальным вариантом енисейского письма, как это делается для ее алтайского и тувинского вариантов, сохранивших в составе алфавита местные письменные знаки предшествующего времени. Орфография таласских памятников прямо отражает новый этап той характерной традиции словоделения, которая проявляется в енисейских наскальных надписях Горного Алтая и Северо-Западной Монголии. Как и сугубо археологические данные, последнее обстоятельство не позволяет относить таласское письмо ко времени ранее X в. [Кызласов Л.Р. 1965: 44; Кызласов И.Л. 1994: 57–59, 98–100, 214, 230, 231; 2005а; 2005б; 2012; 2019а: 278–284].

Енисейские надписи ясно показали проникновение северного, сибирско-тюркского манихейства даже в самую сердцевину манихейства восточного, более всего знакомого с младшим орхонским письмом. В крупном буддийско-манихейском центре Яр-Хото в Турфанском оазисе Восточного Туркестана енисейские эпиграфические памятники доказывают не только былое появление южно-сибирских воинов, но и паломников, и монахов, создававших и содержавших собственные пещерные храмы и монастыри [Кызласов И.Л. 2016; 2021].

Енисейские молитвенные наскальные и храмовые отметки служат еще одним свидетельством существования в IX–X вв. в Южной Сибири, Центральной и части Средней Азии и Казахстана ритуального, то есть духовно-религиозного единства, выраженного в камнеписных рунических написаниях.

Благодаря показанной религиозной принадлежности енисейского рунического письма, имевшего в Древнехакасском государстве официальный статус, к городскому типу монументальных кирпичных храмов добавляется вторая форма храмово-монастырских обителей, возведенных из легкого, вероятно, древесного материала, а также третья разновидность сакральных культовых и жилых комплексов – пещерных храмов и монастырей.

Наравне с вышеназванными мировоззренческими связями с древними местными представлениями и культурами Саяно-Алтая, эти четыре особенности рели-

образом, говорить и о древности опосредованного заимствования слова *мар*, и о предположительно восточносирийской фонетике. Важно, что в тюркской рунике слово пишется как транслитерация с сирийского; это значит, что *a* был не сильно огублен в сторону *o*, иначе бы после графемы ➔ (*m*) с высокой долей вероятности прописывалась бы гласная (*прим. ред.*).

гиозной культуры являются отличительными чертами широко распространившегося в раннем средневековье северного, сибирско-тюркского манихейства.

Литература

- Адрианов 1904 – *Адрианов А.В.* Писаницы (Отчеты за 1904 год), 1904. Рукопись // Архив Музея археологии и этнографии Сибири при Томском гос. университете. – Инв. № 55. – 191 л. [Машинописная копия, личный архив Л.Р. Кызласова.] {*A.V. Adrianov. Pisanitsy / Pisanitsas (Reports for 1904), 1904. Manuscript // Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at the Tomsk State University. – Inv. No. 55. – 191 sheets. [Typewritten copy, personal archive of L.R. Kyzlasov.]*}
- Адрианов 1906 – *Адрианов А.В.* Текст отчета А.В. Адрианова и таблицы к нему, 1906 // Архив Института археологии РАН, Р-II, ф. 12 (Личный фонд С.В. Киселева), д. 151. – 257 л. {*A.V. Adrianov. The text of the report by A.V. Adrianov and tables to it, 1906 // Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-II, f. 12 (Personal fund of S.V. Kiselyov), 151. – 257 sheets.*}
- Васильев 1983 – *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – 127 с. {*D.D. Vasiliev. Corpus of Turkic runic monuments of the Yenisei basin. – Leningrad: Nauka. Leningrad office, 1983. – 127 p.*}
- Грязнов, Шнейдер 1929 – *Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л.: Ленинградский Областлит, 1929. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 63–93. {*M.P. Gryaznov, E.R. Schneider. Ancient statues of the Minusinsk steppes // Materials on Ethnography. – Leningrad: Leningrad Oblastlit, 1929. – Vol. 4. – No. 2. – PP. 63–93.*}
- Кляшторный 2003 – *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 560 с. {*S.G. Klyashtorny. History of Central Asia and monuments of runic writing. – St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2003. – 560 p.*}
- Кызласов И.Л. 1992 – *Кызласов И.Л.* Древнехакаские надписи с названием горы Тепсей // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб, 1992. – С. 220–221. {*I.L. Kyzlasov. Ancient Khakassian inscriptions with the name of Mount Tepsei // Northern Eurasia from antiquity to the Middle Ages. Proceedings of the conference to the 90th anniversary of M.P. Gryaznov. – St. Petersburg, 1992. – PP. 220–221.*}
- Кызласов И.Л. 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Вост. лит. РАН, 1994. – 327 с. {*I.L. Kyzlasov. Runic scripts of the Eurasian steppes. – Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1994. – 327 p.*}
- Кызласов И.Л. 1998а – *Кызласов И.Л.* Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. – 1998а. – № 4. – С. 39–53. {*I.L. Kyzlasov. Image of Tengri and Umai on the Sulek Pisanitsa // Ethnographic Review. – 1998а. – No. 4. – PP. 39–53.*}
- Кызласов И.Л. 1998б – *Кызласов И.Л.* Две древнехакаских надписи на горе Лисичьей // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1998б. – Вып. II. – С. 140–149. {*I.L. Kyzlasov. Two ancient Khakassian inscriptions on Lisichya Mountain // Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkology. – Abakan: Publishing House of the Khakass State University, 1998b. – Issue. II. – PP. 140–149.*}
- Кызласов И.Л. 1999а – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М.: Изд. центр ИСАА МГУ, 1999а. – Вып. IV. – С. 85–112. {*I.L. Kyzlasov. Spelling features of Manichaean runic inscriptions // Issues of Turkic Philology. – Moscow: Ed. Center ISAA MSU, 1999а. – Issue. 4. – PP. 85–112.*}
- Кызласов И.Л. 1999б – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. – IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. – 1999б. – № 4. – С. 99–117. {*I.L. Kyzlasov. Materials for the early history of the Turks. – IV. Education in the era of runic writing // Russian Archaeology. – 1999b. – No. 4. – PP. 99–117.*}
- Кызласов И.Л. 2000 – *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского Республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. Известия лабора-

- тории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – № 5. – С. 82–112. {*I.L. Kyzlasov. Monuments of runic writing in the collection of the Gorno-Altai Republican Museum of Local Lore // Antiquities of Altai. News of Archaeology Lab. – Gorno-Altayisk: Publishing house of Gorno-Altai State University, 2000. – No. 5. – PP. 82–112.*}
- Кызласов И.Л. 2001a – *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Вост. лит. РАН, 2001a. – С. 243–270. {*I.L. Kyzlasov. Change of outlook in Southern Siberia in the early Middle Ages (ideas of monotheism in the Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2001a. – PP. 243–270.*}
- Кызласов И.Л. 2001b – *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи, вып. 15). – Воронеж: ВГУ, 2001b. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. “Having done good, sow humanity” (Manichaean missionaries at the heights of Altai) // Medieval antiquities of the Eurasian steppes (Archaeology of the Eastern European foreststeppe, issue 15). – Voronezh: Voronezh State University, 2001b. – PP. 111–129.*}
- Кызласов И.Л. 2003a – *Кызласов И.Л.* Средневековая Евразия в свете новых открытий // Краткие сообщения Института археологии. – 2003a. – Вып. 215. – С. 3–6. {*I.L. Kyzlasov. Medieval Eurasia in the light of new discoveries // Brief communications of the Institute of Archaeology. – 2003a. – Issue 215. – PP. 3–6.*}
- Кызласов И.Л. 2003b – *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003b. – 112 с. {*I.L. Kyzlasov. News of Turkic runology. Issue I. Yenisei inscriptions on Mount Yalbak-Tash (Altai Mountains). – Moscow: Gumanitariy, 2003b. – 112 p.*}
- Кызласов И.Л. 2003в – *Кызласов И.Л.* Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: матер. междунар. науч.-практ. конф., 10–11 апр. 2003. – М.: ИСАА при МГУ, 2003в. – С. 283–286. {*I.L. Kyzlasov. Local speech features of the Yenisei inscriptions // Desht-i Kipchak and the Golden Horde in the formation of the culture of the Eurasian peoples: proceedings of the international scientific and practical conference, Apr. 10–11, 2003. – Moscow: Institute of Asian and African Countries of Moscow State University, 2003c. – PP. 283–286.*}
- Кызласов И.Л. 2004 – *Кызласов И.Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М.: Русаки, 2004. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. Manichaean monasteries in the Altai Mountains // Antiquities of the East. Collection for the 80th anniversary of Professor L.R. Kyzlasov. – Moscow: Rusaki, 2004. – PP. 111–129.*}
- Кызласов И.Л. 2005a – *Кызласов И.Л.* Таласские наскальные надписи // Российская археология. – 2005a. – № 2. – С. 46–55. {*I.L. Kyzlasov. Talas rock inscriptions // Russian Archaeology. – 2005a. – No. 2. – PP. 46–55.*}
- Кызласов И.Л. 2005b – *Кызласов И.Л.* Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2005b. – Вып. 1. – С. 54–67. {*I.L. Kyzlasov. Reading the rock runic inscriptions of Kyrgyzstan // Materials and researches on the archaeology of Kyrgyzstan. – Bishkek, 2005b. – Issue. 1. – PP. 54–67.*}
- Кызласов И.Л. 2008 – *Кызласов И.Л.* К уяснению исходных позиций изучения и сохранения писанин // Человек, адаптация, культура. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 451–463. {*I.L. Kyzlasov. To the clarification of the initial positions of the study and conservation of petroglyphs // Human being, adaptation, culture. – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008. – PP. 451–463.*}
- Кызласов И.Л. 2012 – *Кызласов И.Л.* Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практич. семинара. – Алматы: ServicePress, 2012. – С. 40–44. {*I.L. Kyzlasov. Early medieval epigraphy of Kazakhstan and Kyrgyzstan: the problem of dating, origin and ownership of the Talas runic writing (in brief) // Historical and cultural heritage and modern culture. Proceedings of the international scientific and practical seminar. – Almaty: Service Press, 2012. – PP. 40–44.*}

- Кызласов И.Л. 2013а – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология. – 2013а. – № 2. – С. 79–90. {*I.L. Kyzlasov.* Religious nature of the Yenisei writing. 1 // *Russian Turkology.* – 2013а. – No. 2. – PP. 79–90.}
- Кызласов И.Л. 2013б – *Кызласов И.Л.* Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. – Париж–Самарканд: МИЦАИ, 2013б. – С. 116–121. {*I.L. Kyzlasov.* Runic writing on the rocks: the Siberian roots of the rite and its distribution in Central Asia // *Cultural transfer at the crossroads of Central Asia: before, during and after the Great Silk Road.* – Paris–Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2013b. – PP. 116–121.}
- Кызласов И.Л. 2013в – *Кызласов И.Л.* Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе мат-лов конф. «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) / Труды Гос. Эрмитажа. – СПб: Изд-во ГЭ, 2013в. – Т. LXII. – С. 266–294. {*I.L. Kyzlasov.* Yenisei runic inscription with Iranian borrowing // *Sogdians, their predecessors, contemporaries and successors. Based on the proceedings of the conference “Sogdians at home and abroad”, dedicated to the memory of Boris Ilyich Marshak (1933–2006) / State Hermitage Museum Works.* – St. Petersburg: Publishing House of the State Geological Institute, 2013c. – Vol. LXII. – PP. 266–294.}
- Кызласов И.Л. 2014а – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. II // Российская тюркология. – 2014а. – № 1. – С. 52–61. {*I.L. Kyzlasov.* Religious nature of the Yenisei writing. 2 // *Russian Turkology.* – 2014а. – No. 1. – PP. 52–61.}
- Кызласов И.Л. 2014б – *Кызласов И.Л.* Сотворение мира глазами пратюрков (рунологические и археологические приметы) // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2014б. – № 2 (64). – С. 35–41. {*I.L. Kyzlasov.* Creation of the world through the eyes of the ancient Turks (runological and archaeological signs) // *Problems of Oriental Studies.* – Ufa, 2014b. – No. 2 (64). – PP. 35–41.}
- Кызласов И.Л. 2016 – *Кызласов И.Л.* Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. – СПб–Улан-Батор, 2016. – С. 218–230. {*I.L. Kyzlasov.* Yenisei epitaph from Eastern Turkestan // *Turkic-Mongolian World in the Past and Present.* – St. Petersburg–Ulaanbaatar, 2016. – PP. 218–230.}
- Кызласов И.Л. 2017 – *Кызласов И.Л.* Манихейские храмы на Среднем Енисее. Исследования Л.Р. Кызласова // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Материалы междунар. научно-практич. конф. – Алматы: Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, ServicePress, 2017. – С. 119–131. {*I.L. Kyzlasov.* Manichaean temples on the Middle Yenisei. Research by L.R. Kyzlasov // *Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk Road. Proceedings of the international scientific and practical conference.* – Almaty: Center for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Service Press, 2017. – PP. 119–131.}
- Кызласов И.Л. 2019а – *Кызласов И.Л.* Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письма. К юбилею А.А. Медынцевой. – М.: Ин-т археологии РАН, 2019а. – С. 251–290. {*I.L. Kyzlasov.* Evidence of the distant advancement of the Yenisei runic writing to the west (one of the forms of self-perception in northern Manichaeism) // *Only writings sound. To the anniversary of A.A. Medyntseva.* – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2019а. – PP. 251–290.}
- Кызласов И.Л. 2019б – *Кызласов И.Л.* Задачи археологического изучения Хакасско-Минусинской котловины. – Абакан: Бригантина, 2019б. – 40 с. {*I.L. Kyzlasov.* Tasks of the archaeological study of the Khakass-Minusinsk basin. – Abakan: Brigantine, 2019b. – 40 p.}
- Кызласов И.Л. 2019в – *Кызласов И.Л.* Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов VIII – начала XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. – 2019в. – Вып. 256. – С. 242–250. {*I.L. Kyzlasov.* The emergence and formation of the Uibat city (Khakassia). City-forming role of temples in the 8th – early 13th centuries // *Brief communications of the Institute of Archaeology.* – 2019c. – No. 256. – PP. 242–250.}
- Кызласов И.Л. 2021а – *Кызласов И.Л.* К разгадке размещения храма в котловине Сорга́ (восприятие предшествующих памятников последующими культурами) // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии. – М.: ИА РАН, 2021а. – С. 179–203. {*I.L. Kyzlasov.* On the unraveling of location of the temple in the Sorgá basin (perception of previous

- monuments by subsequent cultures) // World of the Middle Ages. Knowing the Past. To the 70th anniversary of the department of medieval archaeology. – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2021a. – PP. 179–203.}
- Кызласов И.Л. 2021б – *Кызласов И.Л.* Храмовый городской центр на Уйбате (вторая половина VIII – начало XIII вв., Хакасия) // Краткие сообщения Института археологии. – 2021б. – Вып. 265. – С. 201–203. {*I.L. Kyzlasov.* Temple city center on Uibat (second half of the 8th – early 13th centuries, Khakassia) // Brief communications of the Institute of Archaeology. – 2021b. – No. 265. – PP. 201–203.}
- Кызласов И.Л. 2021в – *Кызласов И.Л.* Енисейские рунические надписи Яр-хото (из находок первой археологической экспедиции Академии наук в Восточный Туркестан) // Урало-алтайские исследования. – 2021в. – № 4. – С. 69–83. {*I.L. Kyzlasov.* Yenisei runic inscriptions of Yar-Khoto (Yarkhoto, Jiaohe) (from the finds of the first archaeological expedition of the Academy of Sciences to East Turkestan) // Ural-Altai Studies. – 2021c. – No. 4. – PP. 69–83.}
- Кызласов И.Л. 2022а – *Кызласов И.Л.* Окаменевшие витязи и миф творения // Степные миры в зеркале археологии. Сб. статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной. – Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022а. – С. 223–235. {*I.L. Kyzlasov.* Petrified knights and the myth of creation // Steppe worlds in the mirror of archaeology. A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of archaeologist M.K. Khabdulina. – Nur-Sultan: IP ARD-Print, 2022a. – PP. 223–235.}
- Кызласов И.Л. 2022б – *Кызласов И.Л.* Основы изучения наскальных рунических надписей Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022 год. – Барнаул: АлтГПУ, 2022б. – Вып. 17. – С. 12–132. {*I.L. Kyzlasov.* Fundamentals of the study of rock runic inscriptions of Altai // Field Research in the Upper Ob, Irtysh and Altai Regions (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology). Year 2022. – Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2022b. – Issue 17. – PP. 12–132.}
- Кызласов Л.Р. 1960 – *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1960. – № 3. – С. 93–120. {*L.R. Kyzlasov.* New dating of the monuments of the Yenisei writing // Soviet Archaeology. – 1960. – No. 3. – PP. 93–120.}
- Кызласов Л.Р. 1965 – *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 38–49. {*L.R. Kyzlasov.* On the dating of monuments of the Yenisei writing // Soviet Archaeology. – 1965. – No. 3. – PP. 38–49.}
- Кызласов Л.Р. 1979 – *Кызласов Л.Р.* О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. – Абакан, 1979. – С. 130–136. {*L.R. Kyzlasov.* About the ancient Khakass personal tamgas // Problems of the History of Khakassia. – Abakan, 1979. – PP. 130–136.}
- Кызласов Л.Р. 1980 – *Кызласов Л.Р.* Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980. – С. 108–114. {*L.R. Kyzlasov.* Chaatases of Khakassia // Questions of Archaeology of Khakassia. – Abakan, 1980. – PP. 108–114.}
- Кызласов Л.Р. 1981 – *Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 46–52. – Рис. 28, 29. {*L.R. Kyzlasov.* Ancient Khakass Chaatas culture of the 6th–9th centuries. // Archaeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages. – Moscow: Nauka, 1981. – PP. 46–52. – Fig. 28, 29.}
- Кызласов Л.Р. 1986 – *Кызласов Л.Р.* Древнейшая Хакасия. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1986. – 295 с. {*L.R. Kyzlasov.* Ancient Khakassia. – Moscow: Moscow University publishing house, 1986. – 295 p.}
- Кызласов Л.Р. 1998 – *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. – 1998. – № 3. – С. 8–35. {*L.R. Kyzlasov.* Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Bulletin of the Moscow University. Series 8. History. – 1998. – No. 3. – PP. 8–35.}
- Кызласов Л.Р. 1999а – *Кызласов Л.Р.* Сибирское манихейство // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999а. – № 3. – С. 26–31. {*L.R. Kyzlasov.* Siberian Manichaeism // Humanities in Siberia. – 1999a. – No. 3. – PP. 26–31.}
- Кызласов Л.Р. 1999б – *Кызласов Л.Р.* Манихейский храм в котловине Сорга́ (Республика Хакасия) // Российская археология. – 1999б. – № 2. – С. 181–206. {*L.R. Kyzlasov.* Manichaean temple in the Sorgá basin (Republic of Khakassia) // Russian Archaeology. – 1999b. – No. 2. – PP. 181–206.}
- Кызласов Л.Р. 2000 – *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. –

- Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – № 5. – С. 66–81. {*L.R. Kyzlasov. Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology. – Gorno-Altai: Publishing house of Gorno-Altai State University, 2000. – No. 5. – PP. 66–81.*}
- Кызласов Л.Р. 2001 – *Кызласов Л.Р.* Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5. – С. 83–90. {*L.R. Kyzlasov. Siberian Manichaeism // Ethnographic Review. – 2001. – No. 5. – PP. 83–90.*}
- Леонтьев, Капелько, Есин 2006 – *Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2006. – 236 с. {*N.V. Leontiev, V.F. Kapelko, Yu.N. Yesin. Statues and steles of the Okunev culture. – Abakan: Khakass book publishing house, 2006. – 236 p.*}
- Медведев 1966 – *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // Свод археологических источников СССР.– М.: Наука, 1966. – Вып. E1-36. – 184 с. {*A.F. Medvedev. Hand throwing weapon. (Bow and arrows, crossbow). 8th–14th centuries // Compendium of Archaeological Sources of the USSR.– Moscow: Nauka, 1966. – Issue E1-36. – 184 p.*}
- Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012 – *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 152 с. {*L.N. Tybykova, I.A. Nevskaya, M. Erdal. A Catalogue of ancient Turkic runic monuments of Altai Mountains. – Gorno-Altai, 2012. – 152 p.*}
- Шер 1980 – *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с. {*Ya.A. Sher. Petroglyphs of Central Asia. – Moscow: Nauka, 1980. – 328 p.*}
- Appelgen-Kivalo 1931 – *Appelgen-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler [Памятники искусства древнего Алтая]. – Helsingfors: K.F. Puromies Buchdruckerei A.-G., 1931. – 119 s.
- Blednova et al. 1995 – *Blednova N., Françfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J.A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P.* Sibérie du Sud 2 [Южная Сибирь 2]: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 2. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale [Свод петроглифов Центральной Азии. Вып. 2. Записки Французской археологической миссии в Центральную Азию]. – Paris: Diffusion du Bocard, 1995. – T. V, 2. – 68 + LXXVII + 93 p.
- Heikel 1912 – *Heikel A.O.* Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tashehá [Исследования погребений и находки близ Ташебá] // Zeitschrift der Finnischen Abertumsgesellschaft. – Helsinki, 1912. – XXVI. – Ss. 59–70.
- Kyzlasov 2016 – *Kyzlasov I.* Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazahstan [Наскальные рунические надписи. Из Сибири в Центральную Азию и Казахстан] // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. [Центральная Азия. Культурные связи вдоль Великого Шелкового пути.] – Paris: Vendémiaire, 2016. – PP. 301–307.
- Ramstedt 1913 – *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei [Две уйгурские рунические надписи в Северной Монголии] // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1913. – T. XXX, fasc. 3. – Ss. 1–70, вклейка.
- Sher et al. 1994 – *Sher J., Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D.* Sibérie du Sud [Южная Сибирь] 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie) // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 1. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale [Свод петроглифов Центральной Азии. Вып. 1. Записки Французской археологической миссии в Центральную Азию]. – Paris: Diffusion du Bocard, 1994. – T. V, 1. – 4+52+XXXVIII+80 p.